УДК 811.512.1

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-48-59

Н. И. Данилова

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, Россия*

Nadiv2008@mail.ru

ЯКУТСКИЕ ЗАЛОГОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ: К ПРОБЛЕМЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ

В статье представлен результат семантического анализа многозначных залоговых конструкций в якутском языке. Анализ выполнен с возможным учетом лексико-семантической принадлежности глагольного предиката конструкции и характера актантов ситуации. Рассматриваются случаи семантической корреляции в якутском языке по линии каузатив-пассив, пассив-рефлексив, рефлексив-пассив, реципрок-итератив. Эти типы многозначности распространены не только в якутском и, соответственно, тюркских языках, но и в языках других типологических групп.

Ключевые слова: якутский язык, функциональная семантика, залоговая форма, многозначность, глагольный предикат.

Введение

Проблема семантического толкования тюркских залоговых конструкций, в том числе и якутских, связана прежде всего с тем, что сами показатели залога, как правило, полисемичны, а некоторые из них имеют общее происхождение и значение. Соответственно, такая конструкция может иметь широкий семантический спектр, вплоть до совпадения со значением конструкции, сформированной показателем другого залога. К примеру, в тюркологии широко известно участие глагольной формы, маркированной показателем побудительного залога, в формировании конструкций с пассивной семантикой. Это явление обнаруживается не только в пределах тюркской классификационной группы, но и во всем алтайском языковом родстве. Обращает на себя внимание также общность семантики страдательного и возвратного залогов в тюркских языках. Многими тюркологами выдвигается предположение о том, что эти залоговые формы могут иметь не только семантическую, но и генетическую общность. Кроме того, семантически близки значения возвратного и совместно-взаимного залогов, поскольку оба эти залоговые формы подразумевают наличие множества участников ситуации. Более того, многозначность залоговых форм выходит за пределы категории залоговости. Так, часто коррелируют значения залоговой формы совместности/взаимности и видовой формы многократности. Такой харак-

Данилова Н. И. Якутские залоговые конструкции: к проблеме многозначности // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 48–59.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 4

© Н. И. Данилова, 2018

тер залоговых конструкций вынуждает искать разные способы и подходы, обеспечивающие возможно более объективное описание семантики залоговых конструкций.

Многозначность залоговых конструкций в лингвистических исследованиях

Полисемия глагольных форм с залоговыми показателями наблюдается в языках самой разной типологической принадлежности и активно обсуждается в лингвистических исследованиях. К примеру, по свидетельству В. П. Недялкова, «рефлексивно-реципрокальная полисемия представлена достаточно широко в языках мира. Она представлена в ряде индоевропейских, финно-угорских, семитских, тибето-бирманских, африканских, австралийских, северо- и южно-американских индейских языков и др.» [Недялков, 2004. С. 351]. Кроме этого, во многих языках отмечается еще два типа полисемии **реципрокальных показателей**: реципрокально-социативная и итеративно-реципрокальная [там же. С. 315].

Важно при этом отметить, что при всем разнообразии определения залога семантическая роль самой глагольной лексемы принимается во всех подходах к категории залога: и в традиционном формально-морфологическом, и в известной теории диатезы, и в подходе к залогу с учетом коммуникативного ранга участников ситуации. Очевидно, что опору на предикат — именной или глагольный — подразумевает также понятие «предикативная конструкция», которая служит базовым понятием синтаксической концепции сибирской лингвистической школы. В исследованиях представителей этого теоретического направления обращается внимание на роль глагольного предиката в построении конструкций того или иного семантического типа. Например, «носителем семантики ситуативного пространственного отношения является, в первую очередь, *локативный предикат*», предполагающий обязательный актант-локализатор [Невская, 2005. С. 14]. В работах данного направления подчеркивается также «особая роль глагольной семантики в формировании моделей предложения» [Байыр-оол А. В., Добринина А. А., Озонова А. А. и др., 2013. С. 3], отмечается разная степень сочетаемости вспомогательных глаголов с глаголами различной лексико-семантической принадлежности в глагольных аналитических конструкциях [Тазранова, 2005. С. 177, Шамина, 2010. С. 208] и значимость набора актантов глагольного предиката синтаксической конструкции [Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008. С. 3].

Основанием для подхода к анализу залоговых конструкций с учетом лексико-семантической принадлежности глагольного предиката может служить также отмечаемая в тюркских языках особенность залога, которая заключается в том, что «каждый косвенный залог охватывает лишь незначительную часть глагольной лексики. В одном из своих общих и частных значений он образуется от одного круга глаголов, в другом — от другого в полной зависимости от природы их лексического значения или от охарактеризованности данного глагола по категории переходности/непереходности, следовательно, тоже в зависимости от характера его лексического содержания» [Юлдашев, 1988. С. 272-273].

Как показывает материал якутского языка, лексическое содержание глагольной основы обуславливает не только избирательность в образовании той или иной залоговой формы, но и ту или иную семантическую модификацию одной формы. Выполненный ранее анализ якутских каузативных конструкций показал, что, как и в любой единице речевого общения, в семантической ситуации отражается характер связей всех элементов общения, в частности, характер отношения действия к участникам (актантам) ситуации, о которой речь идет в высказывании. При этом было установлено, что «реализация того или иного каузативного значения зависит от специфики лексической семантики каузативного глагола, которая в свою очередь обуславливает особенности актантов ситуации» [Данилова, 2013. С. 25]. Взаимосвязь семантики синтаксической конструкции и лексико-семантической принадлежности ее глагольного предиката отмечается во многих функционально-семантических исследованиях на материале якутского языка. Так, Н. Н. Ефремов отметил, что «предикаты локативных конструкций выражаются глаголами и другими предикативными формами с пространственной семантикой, которые являются структурно-семантическими вершинами данных построений» [Ефремов, 2014. С. 22]. Более того, такая конструкция может иметь ту или иную семантическую модификацию «в за-

висимости от лексической семантики глагола, выступающего в качестве пространственного предиката: конечную точку движения субъекта или перемещения объекта, так и их местонахождение» [Ефремов, 2012. С. 23]. Трактовка залога с учетом лексико-семантической принадлежности глагольного предиката, который обуславливает ту или иную роль актантов ситуации, в целом соответствует положению, что «глагол-сказуемое является структурообразующим элементом предложения, его конструктивной основой» [Попова, 2004. С. 104].

Ниже рассмотрим некоторые наиболее характерные случаи модификации значений залога в якутском языке. Форма залоговых конструкций будет представлена методом глоссирования, предложенным Н. И. Винокуровой применительно к якутскому языку. Данный метод представляет собой «авторский вариант перевода на русский язык лейпцигских правил глоссирования с учетом лингвистической специфики языка» [Винокурова, 2016. С. 85].

О пассивизации каузатива

В концепции функциональной грамматики, разработанной школой А. В. Бондарко, каузативность рассматривается как языковая семантическая категория, которая «либо предполагает активизацию объекта, либо стимулирует изменение его свойств, качеств, характеристик и т. д.» [Долинина, 1991. С. 328]. Каузативная ситуация канонического типа имеет два актанта: «первый актант действий – агенс, или каузатор, целенаправленно изменяющий мир, т. е. формы существования, положения, состояния и свойства различных объектов» [Апресян, 2003. С. 11–12], а второй актант – это пациенс, который совершает действие или меняет свое состояние в результате оказанного на него воздействия.

В якутском языке каузативная конструкция формируется на базе глаголов с показателем побудительной залоговой формы *-т*, *-тар*, *-ар*. Значением этой формы является «реальное действие, выражаемое данным глаголом, мыслится как совершаемое не грамматическим субъектом, а другим деятелем, по отношению к которому первый является лицом побуждающим или причиной совершения действия» [Харитонов, 1963. С. 62]. Другими словами, якутская каузативная конструкция имеет два семантических актанта.

Пассивизация семантики каузативной конструкции, о которой речь пойдет ниже, является результатом изменений в правилах семантической сочетаемости каузативного глагола с определенными типами актантов ситуации в основном по признаку активности / инактивности участников.

Якутская каноническая каузативная конструкция выглядит следующим образом:

(1) *Ийэ-м мин бус-ар-ар*

Мать-POSS1 суп варить-CAUS-PRS3SG

Моя мать суп варит

Примеры пассивизации каузативных конструкций можно представить в якутских предложениях типа:

(2) *Мин ардах-ха баттаа-т-т-ым*

Я дождь-DAT задавить-CAUS-PRF-1SG

Под дождь я попал (букв.: дождем я задавлен)

(3) *Буурбаба түбэс-т-э*

пурга-DAT попасть-PRF-SG3

Под пургу попал (он)

Пациенс в таких ситуациях может быть и партитивным, т.е., негативное воздействие распространяется не на весь предмет, а на его часть. В этом случае пациенс оформляется винительным падежом притяжательного склонения:

(4) *Уот-ка илии-м-(и)н сиэ-т-т-(и)м*

Огонь-DAT рука-POSS1-AKK обжечь-CAUS-PRF-1SG

Огнем руку обожгло мне

В приведенных примерах в роли агенса, понимаемого как «намеренный инициатор, который контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соответствующее действие и является «источником энергии» этого действия» [ЛЭС, 1999. С. 17], выступает естественное природное или стихийное явление: дождь, ветер, пурга, волна, огонь и т. д. При этом он в синтаксической

конструкции оформлен дательным падежом, как в примерах (2,3). В роли пациенса, т.е. «участника, вовлечённого в ситуацию, которую он не контролирует и не исполняет» [ЛЭС, 1999. С. 363], находится обычно живое существо. В якутских конструкциях пациенс выражается именем в основном падеже (пример 2), а когда пациенс не имеет лексического репрезентанта – личной формой глагольного предиката высказывания (пример 3).

Каузативные конструкции с пассивным содержанием строятся на базе глаголов с деструктивной семантикой, чаще всего, глаголов физического, иногда температурного воздействия на объект с последующим негативным изменением свойств или состояния пациенса: глаголы давления: *баттаа-* ‘давить, придавить’, глаголы с семантикой механического повреждения объекта: *аал-* ‘тереть, натирать, протирать’, глаголы повреждения или уничтожения: *баалаа-* ‘одолевать’, *тап-* ‘попасть в кого-что-л. чем-л.’, *сиэ-* ‘жечь, сжигать, обжигать’, глаголы физиологического воздействия на состояние объекта: *ур-* ‘дуть, продувать’, глаголы отчуждения: *былдьаа-* ‘отбирать’.

Обсуждаемые конструкции строятся также на базе глаголов нанесения удара, в том числе с включенным актантом: *кэй-* ‘бить рогами, лбом’, *обус-* ‘бить, ударять руками’, *тэп-* ‘ударить ногами, копытами’; глаголы разрушения, порчи: *ытыр-* ‘укусить’.

Пассивную семантику каузативной глагольной формы можно обнаружить также в конструкциях, формируемых глаголами межличностных, социальных взаимоотношений: *атаҕастаа-* ‘обижать’, *кыай-* ‘одолевать, победить’, *хот-* ‘одолевать, взять верх’, *сөбүлээ-* ‘испытывать симпатию, одобрять’ и т.д. В этом случае актанты имеют разную характеристику – они могут представлять ситуации воздействия неодушевленного агенса на одушевленный:

(5) *Ыларахат-тар-га кини хот-тор-бот-о*

Трудность-PL-DAT он победить-CAUS-NEGNRST-3SG

Трудностям он не дал себя победить

Часто отмечают также ситуации воздействия одушевленного агенса на одушевленный:

(6) *Уол дьылээх-тэр-гэ сөбүлэ-т-эр*

Парень-NOM хозяин-PL-DAT испытывать симпатию -CAUS-PRS3SG

Парень хозяевам нравится

О пассивизации рефлексива

Следующий случай полисемии залоговых конструкций в якутском языке можно отметить, когда форма возвратного залога на *-н* выражает значение пассива. Пассивное значение, обозначаемое формой возвратного залога с показателем *-н*, под разными названиями отмечается также в исследованиях на материале других тюркских языков [Салыхова, 2011. С. 100-103]. Это, к примеру, пассивно-возвратное значение в турецком, значение страдательного залога формы возвратности на *-н* при переходных глаголах в башкирском.

Типовое значение возвратности, названное Л.Н. Харитоновым прямо-возвратным, «образуется от ограниченного числа основ переходного глагола – лишь от тех, значение которых мыслимо как действие, совершаемое субъектом над собой» [Грамматика..., 1982. С. 261]. К глаголам с прямо-возвратным значением относятся в основном глаголы со значением ухода за собой: *аҕан-* ‘смазывать себя чем-л.’, втирать в себя что-л., натираться чем-л., *суун-* ‘мыть-ся, мыть себя’ (от *сууй-* ‘мыть’), *тарбан-* ‘чесать себя’ (от *тарбаа-* ‘чесать’), *тараан-* ‘расчесываться’ (от *тараа-* ‘расчесывать’), а также действий над собой: *аралдьытын-* ‘развлекать, утешать себя’.

Прямообъектные возвратные (или собственно рефлексивные) конструкции формируются по следующей канонической модели:

(7) *Мин тымныы уу-нан суу(й)-н-ар-бын*

Я холодная вода-INSTR мыть-REFL-PRS-1SG

Я холодной водой моюсь

Как демонстрируют следующие примеры, во многих случаях в одной и той же глагольной основе с показателем рефлексива могут быть совмещены оба залоговых значения: *анаа-* ‘назначить’ - *анан-* ‘назначать себе, для себя - быть назначенным’; *эрбээ-* ‘пилить’ - *эрбэн-*

‘пилить себе - быть распиленным’ *холбоо-* ‘соединять’ - *холбон-* ‘соединяться, присоединять к себе – быть присоединенным’.

Эта особенность залоговой системы якутского языка была отмечена исследователями давно. Так, О. Н. Бетлингк считал, что «аффиксом *-н* образуются как возвратные, так и страдательные глаголы» [Бетлингк, 1990. С. 314]. Семантическая общность этих форм, по мнению Л. Н. Харитонов, заключается «в том, что оба залога выражают непереходность действия и различаются лишь по способу ее осмысления» [Харитонов, 1963. С. 110]. Представление о том, что «основным назначением формы на *-н*, образуемой в целом от широкого круга глагольных основ, является как в древних, так и в современных тюркских языках превращение переходного глагола в непереходный с модификацией в той или иной мере его исходного лексического содержания» [Юлдашев, 1988. С. 302] можно считать укоренившимся.

Важно отметить, что семантическое толкование конструкций, оформленных на базе рефлексивной залоговой формы, представляет определенные трудности. Как отметил Л. Н. Харитонов, «наличие у данного производного глагола возвратного или же страдательного значения устанавливается лишь по контексту, а также по смыслу данного глагола» [Харитонов, 1963. С. 105].

Предварительные итоги анализа показывают, во-первых, что в якутском языке значение пассива обнаруживает рефлексивная форма ограниченного количества переходных глаголов. Кроме того, это значение строится на базе предельных глаголов, т. е. ситуация предполагает завершение или результативность протекающего действия. При этом некоторые глагольные основы в рефлексивной форме содержат только пассивную семантику: *сиэ-* ‘есть’ – *сиэн-* ‘быть съеденным’, *төлөө-* ‘платить’ – *төлөн-* ‘быть уплаченным’, *ыа-* ‘доить’ – *ыан-* ‘быть подоенным’. Далее, рефлексивные конструкции с пассивным значением агентивны, причем агенс большей частью представляет собой или неодушевленный предмет, либо живое существо, которые подвергаются действию со стороны по обычному положению вещей, часто произвольно (дрова пилятся, корова доится, еда съедается, долг оплачивается и т. д.).

Во-вторых, значение пассива в основном обнаруживают глагольные основы с конечным долгим гласным или дифтонгом: *анаа-* ‘назначать’ – *анан-* ‘назначать себя - быть назначенным’, *диэ-* ‘говорить (что-либо)’ – *дэн-* ‘говорить о себе - быть сказанным’, *хайбаа-* ‘хвалить’ – *хайбан-* ‘хвалить себя - удостоиться похвалы’; *холбоо-* ‘присоединять’ – *холбон-* ‘присоединять к себе - быть присоединенным’, *эрбээ-* ‘пилить’ – *эрбэн-* ‘спилить для себя - быть спиленным’.

Эта закономерность фонологического порядка скорее всего связана с историческим процессом словообразования.

Рефлексивное значение пассивной конструкции

В якутском языке часто можно обнаружить противоположное изложенному выше явление, когда форма страдательного залога способна выражать рефлексивное значение.

В якутском языке пассивная коммуникативная ситуация предполагает наличие в аргументной структуре глагольного предиката единственного лексически выраженного актанта. Этот актант – объект действия, формально выступающий подлежащим предложения, а пассивная глагольная форма свидетельствует о том, что в ситуации присутствует агенс, под воздействием которого производится действие. Канонические пассивные конструкции в якутском языке строятся по следующей модели:

(8) *Сурук суруй-(у)лун-ар*

Письмо-0 писать-PASS-PRS1SG

Письмо пишется

Употребление пассивных конструкций в рефлексивном значении – своеобразие не только якутского языка, но и остальных языков тюркской классификационной группы. Это явление получило соответствующее отражение и объяснение в специальной литературе. К примеру, в турецком языке выделяется возвратно-страдательное значение страдательного залога: тур. *kapı açıldı* ‘дверь открылась’ [Кононов, 1956. С. 200].

Обсуждаемое значение залога в тюркских языках рассматривается как свидетельство семантического развития формы страдательного залога, когда «форма на *-l* выступает как ре-

гулярное средство трансформации переходного глагола активного действия в медиопассив. Именно в таком употреблении, как маркированный медиопассив, форма на *-l* легла в основу страдательного залога» [Юлдашев, 1988. С. 305]. Данное значение обнаруживается в глагольных основах *yaril-* ‘расколоться’ от *yar-* ‘расколоть’, *kitel-* ‘отломиться’ от *kit-* ‘отломить’, *qojol-* ‘литься’ от *qoj-* ‘лить’, *sisel-* ‘развязаться’ от *sis-* ‘развязать’ и т. д. [Там же].

В якутском языке рефлексивное значение глаголов в форме страдательного залога встречается достаточно регулярно. Эти конструкции имеют ту же формальную структуру, что и собственно-пассивные, обычно содержат лексически выраженный актант-объект:

(9) *Aan as-ылын-н-а*

Дверь открывать-PASS-PST-3SG

Дверь открылась

Семантика обсуждаемой конструкции от значения собственно страдательных отличается тем, что действие здесь сосредоточено в самом объекте, при этом, как правило, лексическое выражение имеет только актант-объект.

Пассивные конструкции данного семантического типа могут содержать обстоятельственный член:

(10) *Алаас үрдүнэн кустук изх(б)-илл-(и)бит*

Алас POSTP радуга гнуть-PASS-NPST3SG

Над аласом радуга изогнулась

В современном якутском языке существует круг глаголов с показателем пассива, которые «употребляются преимущественно или даже исключительно» в рефлексивном или, другими словами, безобъектно-возвратном значении [Харитонов, 1963. С. 116]. Это глаголы типа *бура-лын-* ‘рассыпаться, рассеиваться’, *дьапталын-* ‘накладываться, наслаиваться’, *салалын-* ‘направляться, принимать направление’ и т. д. Некоторые глаголы с своим семантическим развитием достаточно далеко отошли от страдательного залогового значения и сохранились как основы: *батылын-* ‘увязнуть, застрять’, *кэтилин-* ‘напороться на что-л.’ и т. д.

Пассивные конструкции с рефлексивным значением могут строиться также глаголами активного физического действия: *арылын-* ‘открываться, раскрываться’ от *арый-* ‘открывать, раскрывать’, *бүрүлүн-* ‘закваситься’ от *бүрүй-* ‘заквашивать’ (в прямом значении: ‘покрывать’), *саалын-* ‘удариться’ от *саай-* ‘ударять’, *сабылын-* ‘закрываться’ от *сап-* ‘закрывать’, *ыгылын-* ‘тужиться’ от *ык-* ‘зажимать, сжимать’ и т. д.

Кроме того, рефлексивные семантические ситуации формируются образными, реже звукоподражательными, т. е. непереходными, глаголами с показателем страдательного залога *-лын-*: *мотолун-* ‘иметь полное круглое лицо’, *ньылалын-* ‘иметь вытянутое, выдающееся вперед лицо’, *сүөдэлин-* ‘выделяться нескладной, высокой фигурой, силуэтом’, *тыргылын-* ‘тонкой струйкой подниматься вверх (о дыме, паре)’ и т. д.

Взаимное и совместное значения залоговой формы на *-с*

В якутском языке залоговая форма с показателем *-с* «реализуется прежде всего в виде двух основных значений залога: 1) значение совместности действия и 2) значение взаимного действия» [Харитонов, 1963. С. 20]. Важно отметить также, что Л. Н. Харитонов выявил закономерность реализации каждого из этих значений в зависимости от лексико-семантической принадлежности глагольной основы.

Известно, что взаимность и совместность в современных типологических исследованиях соотносятся как способы выражения «множественного участника ситуации» [Архипов, 2004. С. 9]. Значение множественности участников действия устанавливается и в общетюркской форме совместно-взаимного залога с показателем *-с/-ш-*: «единый совместно-взаимный показатель выдвигает на первый план множественность самих участников ситуации (а контекст уточняет как раз их роли в ситуации)» [Юлдашев, 1988. С. 217].

Взаимные отношения между семантическими актантами в якутском языке выражают конструкции, формируемые по следующей базовой модели:

(11) Оџо-лор суруй-с-ар-лар
 Ребенок-PI писать-Recip-Pr-PI
 Дети переписываются

Из представленной модели видно, что конструкция формируется именем и глаголом во множественном числе.

В формировании такой конструкции на базе переходных глаголов особенно часто используются акциональные глаголы, причем негативного физического воздействия на одушевленный активный объект: это глаголы со значением разрушения, созидания, повреждения, нанесения вреда, лишения жизни объекта и т. д.: *обус-* ‘ударять, бить, колотить’ > *охсус-* ‘ударять друг друга, драться’, *өлөр-* ‘убивать’ > *өлөрүс-* ‘убивать друг друга’, *кырт-* ‘истребить’ > *кыргыс-* ‘истреблять друг друга, сражаться’ и т. д.

Симметричные взаимные отношения выражаются также переходными глаголами со значением разного рода воздействия на объект: *бул-* ‘найти’ > *булус-* ‘найти друг друга’, *киһиргэт-* ‘нахвалять’ > *киһиргэтис-* ‘нахвалять друг друга’, *имэрий-* ‘гладить’ > *имэрис-* ‘гладить друг друга’, *куус-* ‘обнимать’ > *куустус-* ‘обниматься’, *сиэт-* ‘брать за руку’ > *сиэттис-* ‘брать за руки’, *сыллаа-* ‘нюхать, целовать’ > *сыллас-* ‘нюхать друг друга, целоваться’.

Для обозначения взаимных отношений активно задействованы глаголы со значением установления, поддержания, прекращения разного рода межличностных отношений: *абын-* ‘скучать’ > *ахтыс-* ‘скучать друг по другу’, *кыыһыр-* ‘сердиться’ > *кыыһырыс-* ‘сердиться друг на друга’, *өһүргэн-* ‘обидеться’ > *өһүргэс-* ‘обидеться друг на друга’, *таптаа-* ‘любить’ > *таптас-* ‘любить друг друга’, *салт-* ‘терять интерес к чему-л.’ > *салгыс-* ‘надоест друг другу’, *сөбүлээ-* ‘испытывать симпатию, любить’ > *сөбүлэс-* ‘нравиться друг другу, соглашаться’, *өстөн-* ‘питать ненависть, затаить злобу на кого-л.’ > *өстөс-* ‘ненавидеть друг друга, враждовать с кем-л.’ и т. д. Такие отношения могут устанавливать также глаголы интеллектуальной деятельности: *бил-* ‘знать’ > *билис-* ‘знать друг друга, знакомиться’, *иһит-* ‘слышать, слушать’ > *истис-* ‘слышать друг друга’, *өйдөө-* ‘понимать’ > *өйдөс-* ‘понимать друг друга’, *суруй-* ‘писать’ > *сурус-* ‘писать друг другу, переписываться’, *тургут-* ‘испытывать, измерять’ > *тургутус-* ‘испытывать друг друга’.

Взаимные отношения могут выражать также глаголы речевой деятельности, исполнителями которой выступают люди: *хаһыытаа-* ‘кричать’ > *хаһыытас-* ‘кричать друг на друга’, *ардырбаа-* ‘рывать, ругать кого-л.’ > *ардырбас-* ‘ругаться, браниться’, *эт-* ‘говорить, сказать’ > *этис-* ‘ругаться’. В этом значении могут употребляться также некоторые глагольные формы на -с от основ, обозначающих конкретные физические действия: *бырах-* ‘бросать, кидать’ > *бырабыс-* ‘кидаться, кидать друг в друга что-л.’, *охтор-* ‘валить с ног, опрокидывать’ > *охторус-* ‘валить с ног, опрокидывать друг друга’, *түс-* ‘падать, спускаться вниз’ > *түһүс-* ‘бросаться друг на друга’.

Значение совместности (социатив) представлено в семантической ситуации, когда коллектив лиц совершает одно и то же действие. При этом отношения между агенсами симметричны, ни активный, ни пассивный участник грамматически не обозначаются.

В конструкции с совместным значением имя, обозначающее актантов, и глагольная форма стоят в форме множественного числа:

(12) Оџо-лор бары ытаа-с-т(ы)лар
 Ребенок-PI все плакать-COM-PRF-PI
 Дети все расплакались

Таким образом, зоной семантического совпадения категорий взаимности (реципрок) и совместности (социатив) является значение множественности участников действия. При этом взаимность часто выражается в конструкциях, предикатом которых выступает довольно внушительный список акциональных глаголов (чаще – деструктивных), а семантика совместности представлена в основном звукоподражательными и образными глаголами.

Совместность и множественность

В исследованиях на материале языков разных систем отмечается, что категории совместности и множественности роднит присутствие в их семантическом поле значения множества

ситуаций и множества участников ситуации, поскольку «множественный участник имплицитно множественную ситуацию и, наоборот, множественная ситуация естественно допускает множественного участника» [Шлуинский, 2005. С. 19].

Обозначенная проблема соотношения этих двух важнейших семантических категорий очень обширна, затрагивает множество теоретических аспектов. В рамках задач данной статьи интерес представляет соотношение якутских форм совместно-взаимного залога и вида глагола. Данная корреляция известна не только из материалов якутского языка, она распространена и дискутируется также в типологической перспективе, в первую очередь, в связи с исследованием проблем предикатной множественности. Отмечается, что «наиболее известной и освещенной в литературе семантической связью между значениями относящимися к семантической зоне предикатной множественности, и залоговыми значениями можно считать связь между значением итерации и реципрокальным значением. Реципроком, как известно, называется актантная деривация, значение которой состоит в том, что в ситуации задействовано два или более действующих взаимно участника, каждый из которых выполняет две роли» [Шлуинский, 2005. С. 182].

Что касается языков тюркской классификационной группы, то исследователи первичным для показателя *-s/-š*, который маркирует совместно-взаимный залог, считают значение множественности действий: «В основе взаимного залога лежит, вероятно, форма мн. числа, как предполагают отдельные тюркологи, возводя морфему *-š* к рудиментарному показателю множественности *-z(> s> š)* и ссылаясь на ее широкое употребление в киргизском и узбекском языках для выражения мн. числа глагола» [Юлдашев, 1988. С. 310]. Ряд доводов в пользу данной гипотезы дал А. А. Юлдашеву основание утверждать, что «форма на *-š* характеризуется как в древних, так и в современных тюркских языках многозначностью. Из этих значений исходным является, очевидно, значение множественности передаваемого глаголом действия» [Там же. С. 312]. Согласно этой точки зрения, «залоговые значения совместности и взаимности по существу представляют собой сужение значения множественности, т.е. количественное ограничение как самих сопряженных действий, так и их исполнителей» [Там же. С. 314]. Значение множественности в форме совместно-взаимного залога усматривают и в последних тюркологических исследованиях: «Реципрок позволяет маркировать множественные ситуации, которые сосуществуют одновременно» [Галиева, 2015. С. 144].

В якутском языке первичным значением совместно-взаимного залога Л. Н Харитонов считал значение множества участников действия: «Семантической основой этого залогового значения является указание на то, что в совершении данного действия участвуют два или несколько субъектов (производителей действия)» [Харитонов, 1963. С. 39]. Приведем примеры:

(13) *Оҕо-лор суруй-с-ар-лар*

Ребенок-PL писать-Recip-Pr-PL

Дети переписываются (друг с другом)

(14) *Оҕо-лор күл-с-эр-лэр*

Ребенок-PL смеяться-Recip-Pr-PL

Дети смеются (все вместе)

(15) *Оҕолор кини-лиин бар-с-ар-лар*

Ребенок-PL он-COM идти-RECP-PRS-PL

Дети с ним уходят (все с кем-то)

(16) *Оҕо кини-лиин бар-с-ар*

Ребенок он-COM идти-RECP-PRS3SG

Ребенок с ним уходит

Ситуации в представленных примерах подразумевают участников более одного (*дети с другими детьми, дети все, дети с ним, ребенок с ним*), о чем сигнализируют или форма множественного числа имени: *оҕо* 'ребенок' > *оҕо-лор* 'ребенок-PL', или множество лексически выраженных актантов: *ребенок с ним* (ребенок и он).

Если обратиться к действиям, о которых идет речь в приведенных выше примерах, то можно охарактеризовать их как множественные с дистрибутивной (13), дискретной (14) и комитативной (15, 16) модификациями.

В целом проблема корреляции по линии реципрок-итератив требует последовательного сравнения аспектов семантических зон множественности действия и его участников (дистрибутив, итератив, комитатив, реципрок и т. д.). Поэтому на данный момент представляется важным привести предварительные результаты анализа.

Поскольку дистрибутивная ситуация предполагает присутствие «единичных представителей определенного актанта»¹, при ее семантическом анализе характер группового актанта принимается во внимание в первую очередь. В якутских конструкциях с таким содержанием выделяется несколько типов выражения групповых актантов. Основные из них: имена существительные в форме множественного числа *-лар*, количественные числительные, имена существительные, обозначающие парные предметы и части тела (*этэрбэс* 'торбаса, сапоги', *утулук* 'рукавицы', *илии* 'руки', *атах* 'ноги', *харах* 'глаза', *кулгаах* 'уши' и т.д.), парные существительные, однородные члены предложения².

Приведем примеры:

(17) Сон-у, бэргэһэ-ни муоста-ба суулл-ар-таа-та

Пальто-ACC шапка-ACC пол-DAT падать-CAUS-ITR-PRF3SG

Пальто, шапки на пол расшвырял

(18) Ыт атаҕ-ын оҕонньор ньылбэк-тэр-игэр уур-талыы-р

Собака лапа-3SGACC старик колени-PL-SGDAT положить-ITR-PRS3SG

Собака лапы свои на колени старика расставила

Здесь представлены ситуации с множественным пациенсом, выраженным перечислением предметов (сон, бэргэһэ 'пальто, шапка'), и именем, обозначающим парные части тела (атах 'лапа'). Но в (20) под воздействием субъекта-агенса множественный пациент направлен на одного объекта-агенса (муоста 'пол'), в (21) он распределен по множеству объектов (ньылбэк-тэр 'колени').

На данном этапе исследования можно констатировать, что отличие дистрибутивных конструкций от реципрокальных в якутском языке состоит, во-первых, в их содержании: семантическим инвариантом для первых является множественность самого действия, а для вторых – множественность участников действия. Соответственно, дистрибутивные конструкции, как правило, трехактантны (кроме актанта-агенса и пациента), содержат дополнительный актант-объект, обозначающий направленность действия, для реципрокальной конструкции обозначение этого участника ситуации не обязательно. Далее, эти конструкции образуются на основе глаголов разных семантических групп: в выражение реципрока вовлечен обширный класс акциональных глаголов, в то время как в состав дистрибутивных «могут быть объединены в основном глаголы, обозначающие движение от некоторой общей исходной точки или к некоторой общей точке (так называемые диверсативные/дислокативные значения). При этом большинство указанных глаголов представляет собой залоговые формы от одной основы и подразумевает действия над чем-то множественным или состоящим из множества частей»³.

Выводы

В целом проблема полисемии залоговых значений, а также взаимосвязи и взаимодействия разных залоговых форм актуальна для всех языков тюркской, возможно, и алтайской классификационной группы. Залоговая полисемия затрагивает не только собственно залоговые значения, но и другие семантические зоны. В якутском языке широко представлены случаи

¹ Самсонова Е. М. Дистрибутивная глагольная множественность: семантические особенности // Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база [Электронный ресурс]. Якутск: ИГиПМНС СО РАН, 2017. С. 43. Режим доступа: <http://www.igi.ysn.ru/fi-les/publicasii/>. (дата обращения)

² Там же.

³ Там же. С. 41.

пассивизации каузатива, употребления пассивной конструкции в рефлексивном значении, наблюдается многозначность в сфере совместно-взаимного залога, в некоторой степени совпадает семантическая зона дистрибутивных и реципрокальных конструкций.

Та или иная модификация значения залога зависит от характера актантов ситуации, который задается лексико-семантической принадлежностью глагольного предиката.

Беглый анализ показал, что сложная проблема полисемии залоговых конструкций требует дальнейшего исследования.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов // Грамматические категории: Иерархии, связи, взаимодействие. СПб.: Наука, 2003. С. 6–21.

Архипов А. В. Типология комитативных конструкций: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 17 с.

Байыр-оол А. В., Добринина А. А., Озонова А. А. и др. Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая. Новосибирск: Омега-Принт, 2013. 176 с.

Бетлингк О. Н. О языке якутов. / Пер. с нем. В. И. Рассадина. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.

Винокурова Н. И. Глоссирование как метод репрезентации текстов в якутском языке // Северо-Вост. гуманитар. вестн., 2016. № 4 (17). С. 85–99.

Галиева А. М. Татарский реципрок и семантический класс глагола (на материале корпусных данных) // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: труды X Всеросс. съезда востоковедов: в 2 кн. Уфа, 2015. Кн. 2. С. 144–147.

Грамматика современного якутского литературного языка. М.: Наука, 1982. 496 с.

Данилова Н. И. Каузативные конструкции в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке. Новосибирск: Наука, 2013. С. 8–61.

Долинина И. Б. Рефлексивность и каузативность (Категориальная семантика рефлексивных конструкций, соотносимых с каузативными конструкциями) // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. С. 328–345.

Залог // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 160–161.

Ефремов Н. Н. Локативные конструкции с показателем дательного падежа в якутском языке // Сиб. филол. журн. 2012. № 1. С. 122–130.

Ефремов Н. Н. Категория локативности: комплексные средства // Функционально-семантические категории в якутском языке. Способы выражения. Новосибирск: Наука, 2014. С. 18–85.

Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. 570 с.

Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск: Изд-во ООО «Ника», 2005. 304 с.

Недялков В. П. Заметки по типологии выражения реципрокального и рефлексивного значений (в аспекте полисемии реципрокальных показателей) // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 315–393.

Попова Н. И. Категория залога // Курс якутской грамматики. Система грамматических категорий и синтаксических конструкций. Якутск: Триада, 2004. С. 102–114.

Саляхова З. И. Реципрокально-социативные формы в башкирском языке // Вестник Башкирского ун-та. Т. 16. № 3. Уфа, 2011. С. 985–988.

Тазранова А. Р. Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 228 с.

Харитонов Л. Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 120 с.

Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Т. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: Любава, 2008. 205 с.

Шамина Л. А. Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. Новосибирск: Любава, 2010. 240 с.

Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: Количественные аспектуальные значения: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Юлдашев А. А. Категория залога // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1988. С. 269–309.

Материал поступил в редколлегию 03.07.2018

Nadezhda I. Danilova

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN)
1 Petrovskij Str., Yakutsk, 677007, Sakha, Russian Federation*

nadiv2008@mail.ru

YAKUT COLLATERAL CONSTRUCTIONS: TO THE PROBLEM OF POLYSEMY

The article presents the result of the semantic analysis of polysemous collateral constructions in the Yakut (Sakha) language. The method of analysis takes into account possible lexical-semantic affiliation of the verbal predicate of the construction and the nature of the actants present in the situation. The cases of semantic correlation in the Yakut (Sakha) language along the line of causative-passive, passive-reflexive, reflexive-passive, reciprocative-iterative are considered. These types of polysemy may be found not only in the Yakut and other Turkic languages, but also in the languages of other typological groups.

Keywords: Yakut (Sakha) language, functional semantics, collateral form, polysemy, verbal predicate.

References

- Apresyan Yu. D. Fundamental'naya klassifikaciya predikatov // Grammaticheskie kategorii: ierarhii, svyazi, vzaimodejstvie. – S-Pb.: Nauka, 2003. – S. 6-21.
- Arkhipov A. V. Tipologiya komitativnyh konstrukcij: avtoref. diss. ... k. filol. n. - M., 2004. 17 s.
- Bajyr-ool A.V., Dobrinina A.A., Ozonova A.A. i dr. Materialy k sravnitel'nomu slovarju glagol'noj leksiki tyurkskih yazykov Sayano-Altaya. Novosibirsk: Omega-Print, 2013. 176 s.
- Betlingk O.N. O yazyke yakutov. Per. s nem. Rassadin V.I. – Novosibirsk: Nauka, 1990. 646 s.
- Vinokurova N.I. Glossirovanie kak metod reprezentacii tekstov v yakutskom yazyke // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik, 2016. № 4 (17). – S. 85-99.
- Galieva A. M. Tatarskij reciprok i semanticheskij klass glagola (na materiale korpusnyh dannyh) // Rossiya i Vostok: vzaimodejstvie stran i narodov: trudy X Vserossijskogo s"ezda vostokovedov: v 2 kn. Ufa, 2015. Kn. 2.- S. 144-147.
- Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. M.: Nauka, 1982. – 496 s.
- Danilova N. I. Kauzativnye konstrukcii v yakutskom yazyke // Funkcional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke. Novosibirsk: Nauka, 2013 – S.8-61.
- Dolinina I. B. Refleksivnost' i kauzativnost' (Kategorial'naya semantika refleksivnyh konstrukcij, sootnosimyh s kauzativnymi konstrukcijami) // Teoriya funkcional'noj grammatiki: Personal'nost'. Zalogovost'. – SPb.: Nauka, 1991. – S. 328-345.
- Zalog // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. M., 1990. – S. 160-161.
- Efremov N. N. Lokativnye konstrukcii s pokazatelem datel'nogo padezha v yakutskom yazyke // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2012. № 1. – S. 122-130.
- Efremov N. N. Kategoriya lokativnosti: kompleksnye sredstva // Funkcional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke. Sposoby vyrazheniya. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – S. 18-85.

- Kononov A. N. Grammatika sovremennogo tureckogo literaturnogo yazyka. - M.-L., 1956. 570 s.
- Nevskaya I. A. Prostranstvennye otnosheniya v tyurkskih yazykah Yuzhnoj Sibiri (na materiale shorskogo yazyka). – Novosibirsk: izd-vo ООО «Nika», 2005. 304 s.
- Nedyalkov V. P. Zametki po tipologii vyrazheniya reciprokal'nogo i refleksivnogo znachenij (v aspekte polisemii reciprokal'nyh pokazatelej) // 40 let Sankt-Peterburgskoj tipologicheskoy shkole. – M.: Znak, 2004. – S. 315-393.
- Popova N. I. Kategoriya zaloga // Kurs yakutskoj grammatiki. Sistema grammaticheskikh kategorij i sintaksicheskikh konstrukcij. – Yakutsk: Triada, 2004. – S. 102-114.
- Salyahova Z. I. Reciprokal'no-sociativnye formy v bashkirskom yazyke // Vestnik Bashkirskogo universiteta. T. 16. № 3. – Ufa, 2011. - S. 985-988.
- Samsonova E. M. Distributivnaya glagol'naya mnozhestvennost': semanticheskie osobennosti // Funkcional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke: grammaticheskaya i leksicheskaya baza [Elektronnyj resurs]. – Yakutsk: IGIiPMNS SO RAN, 2017. – S. 38-54. Rezhim dostupa: http://www.igi.ysn.ru/fi_les/publicasii/.
- Tazranova A.R. Biverbal'nye konstrukcii so vspomogatel'nymi glagolami bytiya v altajskom yazyke. – Novosibirsk: ID «Sova», 2005. 228 s.
- Haritonov L. N. Zalogovye formy glagola v yakutskom yazyke. – M.-L., 1963. 120 s.
- Cheremisina M. I., Ozonova A. A., Tazranova A. T. Elementarnoe prostoe predlozhenie s glagol'nym skazuemym v tyurkskih yazykah Yuzhnoj Sibiri. – Novosibirsk: izd-vo «Lyubava», 2008. 205 s.
- Shamina L. A. Analiticheskie grammaticheskie formy i konstrukcii v funkcii skazuemogo v tuvinskom yazyke. – Novosibirsk: izd-vo «Lyubava», 2010. – 240 s.
- Shluinskij A. B. Tipologiya predikatnoj mnozhestvennosti: Kolichestvennye aspektual'nye znacheniya: Diss. ...kand. filol. nauk. – M., 2005.
- Yuldashev A. A. Kategoriya zaloga // Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. M.: Nauka, 1988. – S. 269-309.